

Инна Голубович

**СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ И АНТИЧНАЯ БИОГРАФИЯ
(ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ЖАНРА)**

Проблематика данной статьи связана не столько с характеристикой собственно античной биографии, сколько с попытками понять суть биографического дискурса как такового, его смысл и роль в современной культуре, но понять через античные его образцы. Мы обращаемся к античной биографии не прямо и непосредственно, а сквозь призму взгляда Сергея Аверинцева, мы вступаем в пространство диалога выдающегося российского ученого с традицией античности. И вместе с ними задаем вопрос: какие задачи современного гуманитарного знания помогает ставить и решать обращение к античной биографии?

Прежде всего, мы рассмотрим ставшую уже классической работу С. Аверинцева «Плутарх и античная биография» (1973) [1]. Она имеет подзаголовок «К вопросу о месте классика жанра в истории жанра». Ракурс, который избирает для себя Аверинцев в необозримом море «плутарховедения», – попытка прочертить его (Плутарха) силуэт и дать к силуэту контрастирующий фон. Или, другими словами, «наложить силуэт на фон и не спеша проследить контур, отделяющий его от фона» [1, с. 227]. Исследователь приглашает нас в неспешный извилистый путь с кружением вокруг проблемных точек, с возвратными движениями и отступлениями, периодическими «марш-бросками» сквозь времена и эпохи. Во многом Аверинцев следует интеллектуальной и литературной стратегии своего героя с ее непринужденностью, экскурсами и постоянными «к слову», уводящими в сторону от линии основного повествования. Формат статьи не дает нам возможность пройти вместе с автором и его героем по всему этому пути, мы лишь можем отметить некоторые его вехи.

Одна из важных тем, над которой размышляет С. Аверинцев, – исходный морализм Плутарха. В тексте исследования постоянно подчеркивается, что «херонейский биограф» был моралистом, и именно этим определяется содержание, структура, жанровое и стилевое своеобразие его «Параллельных жизнеописаний». Для тех задач, которые ставил себе Плутарх в данном контексте, оказались тесными рамки сложившихся на тот период типов биографии – гипомнематического (информационно-справочного, тяготеющего к научному описанию) и риторического (эмоционально-оценочного, расположенного между похвальным словом («энкомий») и поношением («псогос»)) [1, с. 334–335]. «Параллельные жизнеописания» не принадлежат ни к тому, ни к другому типу. С одной стороны, Плутарх отказывается видеть цель своих

биографий в самом материале, в информации, с другой – вместо единства эмоциональной атмосферы и монотонности, свойственной риторическому типу, ориентируется на интонационную пестроту. Драматические сцены, эмоционально-нейтральные сообщения, неторопливые раздумья свободно сменяют друг друга. Такая жанрово-стилевая гибкость не являлась самоцелью, а служила морализаторским задачам. Аверинцев отмечает, что жанровой новацией Плутарха было создание нового типа биографии – моралистико-психологического этюда [1, с. 340].

Этот тип в большей степени тяготеет к форме «диатрибы» – устной проповеди, предполагающей живое присутствие слушателя. Она стремится не *ornare* («украшать») и *delectare* («услаждать»), но *move* («трогать») и *monere* («увещевать»). В рамках этой литературной формы биограф все время перебивает себя, возражая себе от лица воображаемого противника, совершает ассоциативные переходы, отвлекаясь на постоянные «к слову». Демократичность, анти-академизм, неприязнительность и близость к наивному рассказу позволяют Плутарху избежать крайностей морализаторства. С другой стороны, моралистский характер его повествований оказывается неявным, скрытым, что давало повод позднейшим исследователям ошибочно (как считает Аверинцев) относить Плутарха к историкам. Аверинцев показывает, что предъявляемому задаче исторического анализа требованию хронологической последовательности и полноты Плутарх предпочитает последовательность ассоциативную, более выпукло и пластично подтверждающую основную моральную идею или характеристику почти басенного типа. Однако, не всякий тип морализма нуждался в историческом обосновании. Помощь Музы Клио нужна не моралистам стоического типа, которые вполне обходятся отвлеченной философской риторикой, а именно «диатрибному морализму», свойственному Плутарху. В его раскованной и непринужденной беседе с читателем друг друга уравнивают два начала: скептическое любопытство к живому человеку и сентиментальное благоговение перед великим прошлым. Первое требовало биографической формы, второе – исторического материала [1, с. 464]. Итак, задачам, которые решает Плутарх-моралист, подчиняются Плутарх-биограф и Плутарх-историк, но подчиняются настолько легко и органично, что потомки это с трудом замечают, считая второстепенные роли главными.

Еще один тезис, значимый для биографического анализа, раскрывает С. Аверинцев на примере Плутарха – это своеобразный параллелизм жизни и творчества. Отмечая параллелизм жизненного и интеллектуального в судьбе мыслителя, художника, ученого, можно выявить приоритет того или иного начала, причем этот приоритет не

всегда очевиден. В отношении «великих мужей», как правило, констатируется тот факт, что на алтарь творчества (идеи, социального или исторического проекта) они положили жизнь, оставили житейско-биографические коллизии на периферии собственной судьбы. Правда, эта приоритетность интеллектуального (в широком смысле слова) может быть замаскирована. В частности, при беглом взгляде на жизненную (житейскую) стратегию Оскара Уайльда в глаза бросался дендизм и гомосексуализм. Но эти формы культурного и жизненного поведения были спровоцированы именно интеллектуальными поисками. На это указывал и сам Уайльд, отмечая в своих дневниках, что сексуальные перверсии и эпатаж в моде для него имеют ценность мыслительных парадоксов. Мы приводим этот пример из другой эпохи для того, чтобы избежать слишком скорого ответа на вопрос о выделенных нами приоритетах в каждом конкретном случае.

С. Аверинцев по поводу Плутарха не сомневается в том, что жизнь для него важнее литературного творчества, не открывая, правда, в тексте своего исследования, стала ли такая уверенность результатом изысканий или была очевидна и лишь нуждалась в наглядном подтверждении. Практическое жизнеотношение – так обозначает исследователь общую мировоззренческую установку Плутарха, который стремится как можно теснее переплести свою литературную деятельность с собственной жизнью, вплоть до самых частных ее сторон. В связи с этим, Аверинцева, прежде всего, интересует «жизнь в литературе» его героя и то, как Плутарх «задумал и осуществил свое бытие в качестве писателя», как вписал свою литературную деятельность в личное и социальное существование [1, с. 234]. Приоритет жизненно-житейского начала позволяет Плутарху сохранять домашнюю, семейную непринужденность и элемент беззаботности в литературном творчестве. Кроме того, он охотно и свободно вносил в жизнеописания своих героев автобиографические эпизоды, даже там, где, казалось бы, для этого не было места. Аверинцев назвал эту черту «автобиографической общительностью». Постоянные действующие лица в текстах Плутарха – его дед Ламприй, его отец Автобул, его братья и друзья [1, с. 265]. Как пишет Аверинцев, Плутарх любил свою биографию и последовательно культивировал собственный образ жизни, равняясь в литературном творчестве на житетворчество. Эта особенность была отмечена давно. Еще античные комментаторы указывали, что «жизнь» великого биографа имеет самостоятельную ценность и достойна упоминания, независимо от его литературной деятельности. А поэт VI в. Агафий Схоластик замечает, что к своей собственной жизни Плутарх не сумел бы приискать «параллельную», ибо она единственна в своем роде [1, с. 266].

Оптимизм, энтузиазм и пафос общественного устройства – эти черты

характерны для позы философа-наставника, явленной нам в случае с Плутархом. Пусть этот пафос, как пишет Аверинцев, недалновиден, но именно он придает писательской интонации биографа конструктивность, сдержанность и достоинство, позволяет избегать тотального скепсиса и истерической взвинченности.

Следующая черта, которую мы выделяем вслед за Аверинцевым, – «провинциализм» Плутарха. Не совсем обычный для эпохи образ жизни Плутарха, который провел почти всю жизнь в «родном херонейском захолустье», был сознательной литературной и жизненной стратегией, формой «аутсайдерства» и установления дистанции с литературным бытом своего времени. Это позволило Плутарху создать свой тип биографии, не «взрывая» при этом традиционную жанровую структуру, а просто оставаясь в стороне от нее. Аверинцев подчеркивает, что личные черты Плутарха – «гибкая восприимчивость» и «робость ума» – не давали его новаторству принять форму резких и программных манифестаций. Вместе с тем, провинциализм, своеобразное житейское и литературное затворничество позволили Плутарху стать «классиком жанра», не помещаясь в границы жанра, подобно тому, как по формуле Гете «все совершенное в своем роде должно выйти за пределы своего рода» [1, с. 230].

С. Аверинцев указывает на соблазн рассматривать писательскую оригинальность Плутарха вне историко-литературной ситуации эпохи и границ греко-римской биографии, выводить «Параллельные жизнеописания» исключительно из общечеловеческого здравого смысла, из неизменных от Плутарха до А. Моруа законов биографического жанра. Этот соблазн еще более усиливается тем, что до нас дошла ничтожно малая часть образцов греко-римской биографической литературы, что значительно затрудняет задачу удержания контекста и сопоставления Плутарха с его жанровыми предшественниками и последователями. Тем не менее, Аверинцев этому соблазну не поддается и тщательно продумывает возможности и методологию сравнительного и типологического анализа в условиях предельной скудности исходного материала.

Провинциальное затворничество Плутарха позволили ему также сохранить достоинство и независимость в общественном и литературном служении. Считая, что философское морализирование должно быть подкреплено политической практикой, он ограничил ее полисом, своей родной Херонеей, где исполнял должность архонта-эпонима и занимал более скромные посты. Плутарх был вне «большой политики», в стороне от кипения страстей вокруг императорского престола. В целом, он ориентируется на приватные, наделенные интимной теплотой ценности, вносит в биографический дискурс мотив «дома». Этот мотив Аверинцев

отдаленно сравнивает с мотивом «детской» у Л. Толстого и говорит о традиции плутарховской интимности у Монтеня и Руссо. Замечание Руссо в «Эмиле» о «неподражаемой грации» Плутарха, с которой он рисует великих людей через малое, через безделки, демонстрирует наличие четкого деления на «малое» и «великое». Сегодня эта граница стирается. «Детская» (в обобщенном смысле, какой бы она ни была) становится тем почти сакральным пространством, где разворачивается «онтология» и «метафизика» детства. Ничего этого у Плутарха нет, но его пафос семейно-домашних, интимных ценностей, нам, возможно, понятен лучше, чем его современникам.

Дилетантизм Плутарха – еще одна сквозная линия рассуждений С. Аверинцева. И если говорить языком топологии, это не только и не столько линия, сколько пульсирующая точка, в которой многие мыслительные пути сходятся и из которой затем прорастают «расходящиеся тропы» мысли. Здесь собираются в пучок плутарховы «провинциализм», антипатия к школьному и ученому (псевдоученому?) педантизму, ориентация на «праксис». А на «выходе» – чрезвычайно актуальное для современности обоснование трансдисциплинарности “humanities”, стирания границ между философией, психологией, литературой и другими гуманитарными «департаментами».

Дилетантизм Плутархом культивировался сознательно. Современные исследователи его творчества выясняют, что за «неразборчивым любопытством» и «болтливостью», которые приписывали херонейскому биографу, стоит тщательный отбор и перетасовка анекдотического материала о каждом из персонажей «Параллельных жизнеописаний» [1, с. 253]. Интерес к подобному материалу, осознание его необходимости для создания цельного образа героя, диктовались и указанным нами приоритетом жизненно-житейского начала, и, как мы бы сказали сегодня, признанием ценности сферы повседневного. Сознательный дилетантизм Плутарха основан на его враждебности к теоретическому доктринерству и доверии к житейским представлениям, традиционной практике жизни. Для него не существует напряженного дуалистического противопоставления бессмысленной житейской практики абсолютно истинному учению. Плутарх обладал редкой способностью «с симпатией оценивать, живо воспринимать, пластично изображать такие идеи, эмоции, душевные состояния..., на которые сам он был... неспособен» [1, с. 292], подчеркивает Аверинцев. Указанное качество можно в негативе оценивать как неразборчивую готовность принимать ценности любого рода. В позитиве же «живое, непредубежденное любопытство к реальному человеческому существованию» привело к тому, что Плутарх от позиции учителя жизни переходит к позиции «изобразителя жизни», «повествователя о ней».

Компромисс между «философом» и «беллетристом» в творчестве Плутарха состоялся на почве философско-поучительных повествований, на историко-биографическом материале.

Так С. Аверинцев видит внутреннюю логику выбора его героем жанра биографии, его ориентации на «открытый» идеал философствующего беллетриста.

И еще одно обоснование дилетантизма Плутарха приводит исследователь, обращаясь к специфике социального функционирования текстов и отношений «автор-читатель» [1, с. 355]. Читатель Плутарха – образованный дилетант, он хочет, чтобы ему помогли в его нравственных исканиях, но не терпит слишком аподиктических поучений и педантизма. Он легко простит своему наставнику непродуманную мысль и нестрого построенную фразу, но не простит скованности и вымученности. Его нужно суметь увлечь, завладеть его вниманием и воображением. В данном случае особенно уместна техника диатрибы и интонация дружеской, почти фамильярной доверительности. Плутарх, отказываясь от статуса профессионального философа, идеалу правильной системы противопоставляет общечеловеческий идеал «верного такта». Тактичный собеседник – вот кем хочет быть херонейский биограф для своего читателя. В этом смысле его ориентация была чужда классическим канонам античного биографизма, но удивительно созвучна современному представлению о специфике жанра биографии. С. Аверинцев подчеркивает также, что Плутарха отличало от его современников, представляющих жизнеописания великих героев, внимание к «нормальным» государственным мужам [1, с. 465]. До современной установки на изучение «историй жизни» простых людей, обычных агентов социального и культурного действия, еще огромная дистанция. Но приближает к нам Плутарха именно его ориентация на «норму», а не на исключительность.

Итак, биография – жанр дилетантов и для дилетантов, в чем ее упрекают и поныне [8], но этот дилетантизм иногда бывает воистину «божественным». И сегодня биографическое повествование, осуществляющее синтез «философии» и «беллетристики», оказывается в русле современной тенденции стирания границ между философией и литературой [7]. Тенденцией, которая кому-то кажется опасной, а кому-то спасительной.

Работа «Плутарх и античная биография» – это своеобразная персонология, однако С. Аверинцев обращается и к общей характеристике греко-римской биографии. В статье «Почему Евангелия – не биографии» [2] он сравнивает ее с образцами христианской литературы в контексте терминологического различения «жития» и «жизнеописания». Обращаясь к семантике слова «жизнь» в греческом

языке, Аверинцев выделяет два его смысла. Первый – «жизнь» как свойство живого в отличие от неживого, энергия витальности – это «zoі»; второй – способ проявления витальной энергии в конкретном поведении, подлежащая описанию и выясняемая через рассказ форма существования, «образ жизни» – это “bios” [2, с. 4–5]. В «Плутархе...» “bios” определяется еще более детально, как «возможно более полная справка о происхождении героя, о его телосложении и здоровье, добродетелях и пороках, симпатиях и антипатиях, частных вкусах и привычках, с возможной краткостью – о событиях жизни, более подробного – о роде смерти; ко всему этому прилагается перечень анекдотов и «достопамятных изречений» [1, с. 334]. Старославянский язык, ориентируясь на системную передачу греческой лексики, передает zoі как «живот», а bios как «житие». Принцип и сила жизни – «живот», образ и форма жизни – «житие», «житие есть образ живота» – такой смысловой ряд выстраивает С. Аверинцев.

Именно через «bios» осуществляется свойственная античности генерализация и схематизация индивидуального, подведение под некую общую категорию личной формы существования, личного образа жизни, включение его в заранее наличную систему этико-характерологических и других координат. Здесь мы не можем хотя бы бегло не обратиться к размышлениям М. Бахтина об античной биографии, созвучным идеям С. Аверинцева. (Биографический жанр занимает значительное место в творчестве Бахтина, к его анализу он обращается, в частности, в таких работах, как «Автор и герой в эстетической деятельности», «Формы времени и хронотопа в романе», «Роман воспитания и его значение в истории реализма» [4; 5; 6]. Представить их более подробно не позволяют рамки настоящей статьи). В «Формах времени и хронотопа в романе» М. Бахтин также обосновывает генерализирующий и анти-интимный характер античной биографии, но уже через тотальную публичность и овнешненность греческой культуры. Он подчеркивает, что классические образцы автобиографий и биографий были словесными гражданско-политическими актами, существовавшими в хронотопе «агоры», который был одновременно зримо-наличным и всеобъемлющим. В таком bio-(а не zoі)-графическом образе человека не было ничего секретно-личного, повернутого к себе самому, принципиально-одинокое. Кроме того, в этих условиях не могло быть принципиальных различий между подходами к чужой жизни и к собственной, между биографической и автобиографической точкой зрения. Еще и поэтому, видимо, Плутарх так легко в «Параллельных жизнеописаниях» переходил от жизни своих героев к своей собственной.

Сегодня «вита» и «биос», когда-то разделенные, снова сходятся и находят друг друга, в современном биографическом дискурсе четко

прослеживается попытка дать слово именно витальности, у которой тоже есть своя история и свой рассказ, заглушенный когда-то рационализирующим, структурирующим и «рубрицирующим» «биосом». И теперь этот рассказ, и не рассказ даже, а, скорее, невнятный лепет и бессвязный шум, вырывается наружу, ищет оформления в некой возможной «витографии». Это свойство современного биографического дискурса открывается именно через историю предпринятого в античности, если еще не раньше, различения.

С. Аверинцев был не только исследователем и знатоком биографического жанра. Одна из последних его работ «Скворешниц вольных граждан...». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами» [3] – это его собственный опыт написания интеллектуальной биографии русского поэта и мыслителя, чья жизнь и творчество были тесно связаны с античной культурой. Вяч. Иванова Сергей Аверинцев назвал «филэллин» [3, с. 51]. Это определение можно, без особой натяжки, отнести и к нему самому.

1. Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография // Аверинцев С. С. Образ античности. – СПб: Азбука-классика, 2004.– С. 225–465.
2. Аверинцев С. С. Почему Евангелия – не биографии // Мир Библии.– М.: Библейский богословский институт св. ап. Андрея, 2001.– № 8.– С. 4–12.
3. Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами.– СПб: Алетейя, 2001.– 167 с.
4. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества.– М.: Искусство, 1979.– С. 7–181.
5. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества.– М.: Искусство, 1979.– С. 188–237.
6. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики.– М.: Худ. лит., 1975.– С. 234–407.
7. Вальденфельс Б. Мотив чужого.– Мн.: Пропилеи, 1999.– 175 с.
8. Лежён Ф. В защиту автобиографии // Иностранная литература.– 2000.– № 4.– С. 108–123.